

Николай МЕЖЕКОВ

Корреспондент «ВМ»: Как уже сообщила «Вечерняя Москва», новый телесериал будет снят в рамках осуществления программы «Колыбель». В центре его должен быть собирательный образ героя нашего времени. Но есть ли у нас он сегодня, да и нужен ли такой герой вообще?

Рустам Ибрагимбеков: Каждое время выдвигает на первый план своего героя, который наиболее точно это время выражает. Сейчас более всего привлекательны люди думающие, сомневающиеся. Надо понять, что представления о герое совершенно изменились, потому что страшно изменились обстоятельства. Мир вообще стал иным с сорок пятого года, когда была сброшена первая атомная бомба. Появилось понятие «человечество», ибо до этого существовали лишь разрозненные группы людей — племена, страны, национальности и т. д. И если рассматривать всю историю человечества как некое развитие любви, то мы научились сперва любить себя, потом своих детей, жену, семью, род, племя, некоторые научились любить свою страну и лишь очень немногие научились любить все человечество в целом.

— Но ведь есть такие люди...

— Наверное. Всегда существует необходимость в ком-то, кто придет, защитит и восстановит справедливость. На этом держится весь американский кинематограф. Так или иначе этот миф, основанный на генетической потребности людей в герое, который придет и поведет всех в справедливость, потребности в сказочном герое и есть тот ключ к успеху, которым так умело пользуются наши американские коллеги.

— А наше кино?

— У нас в кино этого никогда не было. Почему? Потому что этого не давала делать цензура, требующая, чтобы герой представлял определенную политическую ориентацию. Советских цензоров раздражал любой герой с независимым мышлением. Самым страшным грехом в советском искусстве была попытка создать независимого героя, существующего вне структур и идеологии. Потому за него приходилось бороться. Герой «Белого солнца пустыни» стал героем с помощью обмана, то есть, конечно, это подлинный герой, но, создавая его, мы были вынуждены поместить его в некие обстоятельства, ловко дозируя его чисто революционные деяния.

— Может быть, поэтому этот герой так долго остается любимым?

— Конечно. Только поэтому. И предпринятые некоторое время назад попытки доказать, что это завоеватель, который пришел что-то навязывать в страну с ее культурой, традиционными укладами и отношениями, что он спасал женщин, которые в том не нуждались, совершенно необоснованны. Он следовал своим принципам, а в том, что он попал в страну с другими укладами, не было его вины.

Он действовал в соответствии со своими нравственными нормами и именно поэтому оказался таким долговечным. И, естественно, время от времени такие герои появлялись, но они появлялись вопреки официальной идеологии, которая этому мешала. При этом существовало огромное количество казенных, официальных, заказных героев, потому что в нашем кинематографе лишь единицы работали честно и достойно, остальные же были просто исполнителями так называемых социальных заказов.

Сейчас происходит то же самое, просто изменились заказчики. Если раньше заказчиком была официальная власть, требующая обслуживания своей идеологии, то нынешняя власть отличается безмозглостью. То, что она делает с кинематографом, иначе назвать нельзя.

— А что может нас спасти?

— Нас должно спасти появление героя. Должны появиться фильмы — и они появятся, — в которых будут присутствовать люди, выражающие время. Сейчас они тоже есть, но пока они отражают только страшные проявления времени. Когда мы говорим о том, что у нас фильмы клеветают на действительность, то имеем в виду что, во-первых, создаются людьми, которые видят свет однобоко, а во-вторых, плохого действительно гораздо больше. А поскольку за плохое платят больше, то мало кто заставляет себя подумать.

— Откуда тогда может взяться положительный герой?

— А откуда мог появиться Сухов? Он был создан в воображении, в чувствах, в душе художников.

— Мы можем объяснить это тем, что тот герой был воспитан на каких-то духовных ценностях, на православии. А откуда может се-

годня появиться герой, когда целые поколения были воспитаны на ценностях совершенно других, которые практически разрушены. На что он должен опираться? Вот, скажем, человек родился в конце шестидесятых годов. Его воспитывали не на традициях православной церкви, не на русских традициях, а в духе пионерских и комсомольских организаций. Но в нем эти социалистические ценности не прижились. Почему? Благодаря корням?

— Да, конечно. Только поэтому.

— То есть для того, чтобы сегодня появился герой, он должен обратиться к своим традициям и корням?

Такое вот

При информационной поддержке газет «Вечерняя Москва», «Сударушка», телекомпаний «Юго-Запад» по инициативе Института семьи и собственности будет снят новый телесериал. Его постановку осуществит творческая группа Андрона Кончаловского и Рустама Ибрагимбекова. Каким видится сериал его будущим создателям — об этом рассказывает киносценарист, хорошо известный зрителям прежде всего как автор сценария замечательного фильма «Белое солнце пустыни» Рустам Ибрагимбеков.

— Дело в том, что общество, как электрическое поле: существуют полюсы. Ярко выраженный отрицательный полюс и ярко выраженный положительный. Большинство людей электрически нейтрально. Они как бы ориентируются в соответствии с силовыми полями. Когда в обществе торжествуют беззаконие и безнравственность, создается впечатление, что большинство людей безнравственно. На самом деле соотношение людей в обществе по нравственным качествам, к счастью, практически не меняется. Просто сама ситуация в обществе дает возможность одним побеждать других.

Если наше прежнее общество, ориентируясь, пусть формально и механически, на какие-то идеалы, тем не менее контролировало ситуацию, то нынешнее общество (государство) отказалось от всех своих функций. Общества как такового не было ни тогда, ни сейчас (мы путали понятия «общество» и «государство»). Не было общественного мнения тогда, нет его и сейчас. А государство, которое тогда было сильной политической организацией, теперь отказалось от всех своих обязательств перед народом. Поэтому и появилась идея Института семьи и собственности: должны возникнуть структуры и механизмы в самом обществе, которые, обходясь без помощи государства и опираясь на инициативные действия представителей общества, могли бы создавать защитные механизмы, когда простой человек сможет рассчитывать на помощь общественных организаций, как это происходит во всем мире.

У нас только-только начали возникать эти общественные механизмы по вопросам воспитания, образования, социальной защиты и т. д.

Если говорить об искусстве, то все дело в том, что оно инерционно, реагирует с опозданием — лучшие произведения о войне появились через двадцать лет после ее окончания. И сейчас у нас такая же ситуация: все, что происходит с нами, надо еще осмыслить, понять, прочувствовать. Каждый из нас одновременно и

творец, и нормальный человек. И поскольку я во всем, что делаю, исхожу из собственных ощущений, то лично ощущаю биологическую потребность в ком-то, кто меня защитит, для кого так называемые идеалы — не пустой звук, а смысл и цель жизни. Я верю, что такие люди есть. Когда я думаю о том, какого героя мы должны придумать для нашего социального сериала, понимаю, что это прежде всего должен быть человек, способный бороться за справедливость.

Главного героя представляю человеком зрелым, скорее среднего возраста, то есть примерно тридцати лет, человеком семейным, провинциалом, а не жителем столицы. Вижу его офи-

тысячелетий. Это значит, что она необходима человеку для выживания. То есть это коренное человеческое качество, которое сейчас подвергается жесточайшим испытаниям, потому что жизнь сурова и на моих глазах распадаются давние дружеские связи.

В нашем сериале существуют три друга, один из которых человек милейший, но раб, который служил не стране, а начальству, другой — человек очень предприимчивый, циничный, умный, тонкий, легко вписавшийся в эту новую, абсолютно преступную среду — человек времени (при этом они друг друга очень любят) и наш герой, который в определенном смысле про-

день ехать в Москву, чтобы приостановить приказ о закрытии части. Оказывается, что часть эта занимает лучшее место в городе, что за убийством — борьба за недвижимость: надо закрыть часть, и в Москве кто-то этого добился (потом это будет распыляться). Главное, что убит начальник и друзья понимают, что убили его местные люди, чтобы захватить территорию, принадлежащую части. Вот основной расклад: человек — герой, который еще многого не понимает. А наш городок становится моделью государства.

— Но не будет ли это очередной фильм, каких было уже много, в котором герой будет бороться с мафией?

— Нет, конечно. Наш герой не сразу к этому придет, и фильм совершенно не об этом.

— Вы хотите, чтобы этот новый образ, образ человека следующего тысячелетия, хорошо воспринялся сознанием зрителей и чтобы люди приняли его сейчас, когда для многих идеал совсем иной: чем больше денег, тем ты лучше. Есть ли у вас основания рассчитывать, что ваш герой — своевременен и аудитория примет его?

— Существует определенная дистанция между героем на экране и в действительности. Она не должна превышать некую меру (хотя, например, американцы этого не боятся, постоянно создавая супергероя). В этом отношении у нас с Андроном будут споры, потому что он сторонник создания именно такого героя, он считает, что сериал рассчитан на массы и поэтому если это так, то некие стандарты здесь неизбежны, потому что зритель уже испорчен, и если ему предложат нечто, претендующее на реализм, то это не будет иметь успеха у массового зрителя.

— Какими качествами должен обладать новый герой?

— Он должен быть человеческим. А это означает, что порой он может быть и кровожадным, и жестоким, но это должно быть вызвано необходимостью, потребностью...

— Ради чего?

— Ради отстаивания своих представлений о добре и зле, порядочности, честности. То есть это должен быть человек, живущий по определенным духовным, а не материальным представлениям, по неким, порой наивным, идеалам. Человек, способный действовать в соответствии с этими идеалами, рискуя своей жизнью, своим положением и т. д. Если мы сумеем сделать так, что в это поверят, это будет победа, поскольку одновременно с потребностью в таком герое у большинства людей уже пропала вера в возможность его существования. И наша задача доказать, что такие люди есть.

— У вашего героя есть инстинкт самосохранения?

— Обязательно. Без этого он перестанет быть героем. Но самая большая мудрость в жизни любого человека это интуитивное обладание чувством меры. Любовь — замечательная вещь, но при нарушении меры она превращается в скотство. И так со всем остальным. Умение находить меру во всем — это высшая мудрость. Корни это чудесно, но когда они только корни — легко забыть о листьях.

— Да, но сейчас ценностей нет вовсе. Молодежь обращается к каким-то западным идеалам, материальным благам. Нынешние идеалы это квартира, работа, машина. Но на примере людей, достигших этого, видно, что они несчастны.

— Но через это надо пройти. Есть вещи, которыми можно научиться, только пройдя через это. То, что мы называем движением хиппи, было именно протестом против сытости. Западное общество, опережающее нас лет на пятьдесят, тоже стремилось лишь к сытости (после кризиса) и лишь к шестидесятым годам стало обществом сытым и богатым. И тогда возник протест против буржуазных ценностей, молодежь поняла, что счастье не в них. И мы тоже к этому приходим. И уже постепенно приходим. Но для этого надо было испытать на себе «сытость». Нельзя теоретически, не получив достатка, начать испытывать в нем сомнения. К сожалению, многие вещи человек воспринимает только через свой опыт.

Всегда смеялся над своими знакомыми, которые пытались вложить свой опыт в головы детей. И они добились своего — их дети в раннем возрасте многое знали, но я продолжал говорить, что человеческая сущность все равно заставит их делать все ошибки, совершенные когда-то родителями, но позднее... Дайте мальчику совершить все свои ошибки, иначе он не станет мужчиной. Нельзя стать мужчиной на чужом опыте...

Материал подготовлен при содействии Института семьи и собственности

КИНО

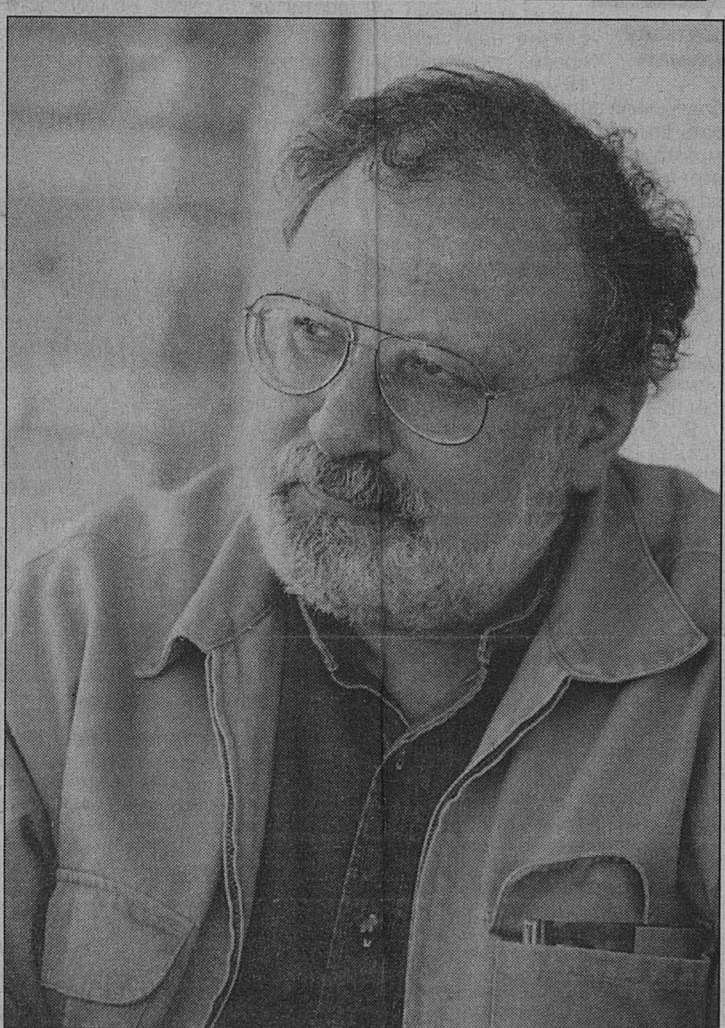

Фото из архива «ВМ»

цером, уволенным из армии и в свои тридцать оказавшимся не нужным стране.

Для меня важно показать — в достаточно сконцентрированном виде — ситуацию противостояния личности и государства. Мы долго кричали, что самое лучшее общественное устройство это — демократия. Теперь получается, что нет, потому что демократия требует определенного уровня общественного самосознания, а если его нет, то страшнее демократии ничего не придумаешь.

Наш сериал снимается с целью поддержки социальной программы «Колыбель», разработанной Институтом семьи и собственности. Действие его должно происходить в городе, где человек лишен нормальной возможности трудиться, а правят всем преступники. О существовании порядочных людей можно только догадываться, потому что большинство из них вынуждено играть в те игры, которые им навязываются властью. В этом городе есть прокурор — неизвестно прокурор это или преступник; есть судья — неизвестно судья это или преступник, то есть даже если это честные люди, им приходится играть в общую игру — иначе их выкинут. Они подавлены. В этой ситуации наш герой постепенно втягивается в необходимость защитить себя и кого-то.

Я предполагаю, что в первой серии наш герой это еще и человек, способный дружить. И это понятие дружбы — самое бескорыстное, и оно всегда находит некий отклик в зрительской или читательской душе именно потому, что дружба — это единственное бескорыстное чувство. За любовь платят лаской, за патриотизм — дают ордена, за верное отношение к своему делу — платят зарплату. Не оплачивается только дружба, и она сохраняется на протяжении

стофиля, человек наивный. Человек, поздно «просыпающийся», поздно понимающий, еще незрелый герой. Одни в его положении ломаются, становясь людьми ничтожными, другие могут стать героями. И сама проблема выбора очень важна...

Командир части говорит нашему герою и его друзьям: так и так, боюсь, что закроют всю часть, закроют весь институт; сегодня я с вами прощаюсь, завтра лечу в Москву, поскольку не могу понять, почему это происходит: институт работает, все в порядке, но его вдруг закрывают. Получив свою зарплату, друзья проводят вместе весь день, выпивают, идут к знакомой женщине, покупают ей колыбель, потому что она беременна, хотя этого еще не видно (отсюда название фильма — «Колыбель»). Неизвестно, кто из них отец будущего ребенка, но в конце концов она говорит нашему герою, что это он, хотя впоследствии выясняется, что это не так. Он приходит домой и говорит своей жене: «Такое дело, я влип — оказывается, у меня ребенок». Здесь — жуткая ситуация в доме. Господин Кончаловский считает, что жена от нашего героя должна уйти, поскольку в западных сериалах герой всегда остается один. Я категорически против, поскольку знаю, что у нас женщины не всегда бросают мужчин, когда они признаются в измене: главное, как он себя ведет. Поэтому я буду настаивать на том, чтобы жена от нашего героя не уходила.

Общаясь с женой, наш герой слышит выстрелы (а все три друга живут в одном дворе), оказывается, что командир части убит. Когда же друзья начинают выяснять, что произошло, становится ясно, что несколько человек знали о том, что командир должен был на следующий